

ИСТОРИЯ ЭКСПЕДИЦИЙ

С.А. Корсун

ЭКСПЕДИЦИИ 1945–1947 гг. ПО ИЗУЧЕНИЮ ЭТНОГЕНЕЗА ЭСКИМОСОВ

В 30-е гг. XX в. американские и датские археологи, антропологи и этнологи Алеш Хрдличка (1869–1943), Фрейлих Рейни (1907–1992), Кай Биркет-Смит (1893–1977) и др. неоднократно обращались к руководству МАЭ и Академии наук с предложением провести совместные полевые исследования на Чукотке и Аляске для выяснения проблемы этногенеза эскимосов [Корсун 2010: 59–69]. В конце 1938 г. датскому этнологу К. Биркет-Смиту удалось заключить соглашение с руководством АН о создании датско-советского Международного комитета по изучению археологии, этнографии и антропологии Арктики и Субарктики [Левин, Окладников 1959: 148].

Для координации этногенетических исследований в 1939 г. при Отделении истории и философии Академии наук в Москве создали Комиссию по этногенезу под председательством член-корреспондента, специалиста по древнерусской истории Александра Дмитриевича Удальцова (1883–1958). 28–29 мая 1940 г. Комиссия провела конференцию по изучению этногенеза народов Сибири и проблеме заселения Америки — Совещание по этногенезу народов Севера. Его председателем избрали заведующего кафедрой этнографии исторического факультета МГУ Сергея Павловича Толстова (1907–1976). На конференции были представлены доклады практически всех советских ученых, кто хоть в какой-то мере занимался этногенезом народов Сибири: архео-

логов Александра Михайловича Золотарева (1907–1943), Алексея Павловича Окладникова (1908–1981), археолога и этнографа Валерия Николаевича Чернецова (1905–1970); антропологов Марка Соломоновича Плисецкого (1891–1957), Георгия Францевича Дебеца (1905–1969), Татьяны Алексеевны Трофимовой (1905–1986), Николая Николаевича Чебоксарова (1907–1980); этнографа Сергея Александровича Токарева (1899–1985) и др. Всего присутствовало около сорока человек. От МАЭ/ИЭ участие в совещании приняли академик Василий Васильевич Струве (1889–1965) и заведующий отделом Сибири Георгий Николаевич Прокофьев (1897–1942), который «наметил проблему связи самодийских и эскимосских племен» [Обзор 1941: 131]. Кроме того, в виде доклада была представлена статья сотрудника отдела Америки Алексея Владимировича Мачинского (1910–1942) «Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове». Вероятно, первоначально он готовил эту статью как доклад для II МКАЭН в Копенгагене, который состоялся осенью 1938 года. А.В. Мачинский проанализировал результаты исследований американских археологов и сделал описание двух небольших археологических коллекций по азиатским эскимосам из собрания ГМЭ. Он пришел к выводу, что предположение Ф. Босаса и К. Биркет-Смита о том, что Аляска в древности была заселена эскимосами из центральных районов Канады, ошибочно [Мачинский 1941: 80].

А.М. Золотарев выступил с докладом, подготовленным на основе своей публикации «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии». Он развивал идею о сходных элементах в культуре чукчей и эскимосов, с одной стороны, и народов района Амура — с другой: «Береговые чукчи также верили в хозяйку моря, которой они приносили регулярно жертвы. Они представляют ее в виде могущественной женщины, живущей на дне моря, и называют ее “мать моржей”. <...> Древнейшими чертами этого мифологического комплекса являются: 1) вера в хозяйку, мать моря, живущую на дне моря в юрте, 2) владеющую всеми морскими зверями и рыбою, которые содержатся у нее в юрте и время от времени выпускаются ею в море, 3) в жертву ей приносят собак. Последний момент, очевидно, связан с частью комплекса, присущего целому ряду народов побережья Тихого океана, в том числе эскимосам, айнам, малайцам. Мужем морской богини эти народы считают собаку, которую и отправляют к ней во время жертвоприношений коряки, гилаки, чукчи. Такие же представления существуют у ульчей. Таким образом, комплекс “морской богини” прослеживается хотя и в менее развитой, чем у эскимосов, форме вплоть до Амура» [Золотарев 1938: 87].

Поводя итоги конференции, С.П. Толстов отметил, что доклад А.М. Золотарева показал связь эскимосской культуры Америки с древними культурами арктических охотников азиатского побережья Ледовитого океана и дал убедительную картину формирования чукотского и корякского народов на фоне хозяйственного развития арктических приморских охотников [Толстов 1941: 4].

По результатам совещания запланировали провести летом 1941 г. Северо-восточную экспедицию для изучения проблемы этногенеза эскимосов. На конференции присутствовало несколько достойных кандидатов, которые могли бы возглавить полевые исследования на Чукотке: Г.Ф. Дебец, А.П. Окладников, А.М. Золотарев. Однако С.П. Толстов, используя положение председателя конференции, выдвинул кандидатуру своего бывшего коллеги по Музею народов СССР Максима Григорьевича Левина (1904–1963), его и утвердили руководителем будущей экспедиции. В свою очередь М.Г. Левин привлек к ее организации Игоря Петровича Лаврова (1906–2002), который в то время работал на Чукотке. Из-за начала Великой Отечественной войны в 1941 г. Северо-восточная экспедиция не состоялась. Некоторые участники совещания: А.М. Золотарев, А.В. Мачинский, Г.Н. Прокофьев — погибли во время войны.

После Великой Отечественной войны экспедиционные исследования по изучению этногенеза эскимосов провели не сотрудники отдела Америки МАЭ (формального такого отдела после 1942 г. в МАЭ/ИЭ не было), а антропологи московского отделения ИЭ и археологи ИИМК. Однако эти экспедиции стали завершающим этапом работы, начатой в музее в 1930-е годы. В 1939 г., выступая на заседании, посвященном памяти Владимира Германовича Богоразы (1865–1936), Сергей Васильевич Иванов (1895–1986) отметил: «Главная задача, которую ставил себе Влад. Герм., — изучение крайнего Севера восточной Азии, связанное с эскимосской проблемой, эта задача до сих пор не реализована, т.к. та Северная экспедиция, проведение которой должно было обеспечить разрешение этой задачи, до настоящего времени не осуществилась. Между тем нельзя не отметить, что как раз этот последний раздел, т.е. экспедиция на Крайний Север, имеет колоссальное значение не только для специалистов-палеоазиатов, но и международное значение в связи с проблемой происхождения американского человека, проблемой, которой уделяют очень большое внимание американские этнографы, неоднократно писавшие и самому Влад. Герм., и дирекции Института о желательности увязки этой работы с работой американцев» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 3. № 13. Л. 113–113 об.].

В декабре 1942 г. Комиссия по этногенезу вошла в состав московской части ИЭ под названием «Группа этногенеза». А.Д. Удадьцов возглавлял этот коллектив до 1946 г. Соответственно с 1943 г. в Институте этнографии велась работа по организации Северо-восточной экспедиции, или Чукотской экспедиции, при этом о совместной экспедиции с ИИМК речь не шла. Задачи были разделены, каждый из институтов должен был провести самостоятельные исследования: ИЭ — антропологические, а ИИМК — археологические.

Всего было проведено четыре экспедиции: антропологическая Г.Ф. Дебца на Чукотку и Камчатку в 1945–1947 гг., археологическая Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) на Чукотку в 1945 г., археологическая А.П. Окладникова в район Колымы в 1946 г., антропологическая М.Г. Левина в район Амура и на

остров Сахалин в 1947 г. Кратко остановимся на результатах работы каждой из этих экспедиций.

Руководителем Северо-восточной экспедиции в 1943 г. назначили антрополога Г.Ф. Дебеца. Проработав на Чукотке всего две недели, Г.Ф. Дебец получил результаты, настолько отличные от сведений В.Г. Богораз, что решил немедленно опубликовать свои предварительные материалы. Он отметил: «В мировой антропологической литературе основой для суждений о расовом типе чукчей является сжатая, но яркая характеристика их, данная известным исследователем этнографии и языка этого народа В.Г. Богоразом. Эта характеристика давала полное право (в том числе и автору настоящего сообщения) причислять расовый тип чукчей к ряду тех форм, которые обычно именуется “американоидными”. <...> Полученные данные во многом резко расходятся с характеристикой Богораз. <...>

Специфичной для чукчей формой носа является вовсе не “орлиная”, как утверждал Богораз, а прямо противоположенная. Вогнутая форма профиля отмечена у одной трети исследованных, причем вогнутость проявляется часто не только в хрящевой, но и в костной части спинки. <...> Отмеченное Богоразом сравнительно сильное (по азиатскому масштабу) развитие бороды также не находит подтверждения в собранных материалах. <...>

Исследование антропологических особенностей чукчей будет продолжено в течение 1945 г. в других районах полуострова. Однако уже и теперь ясно, что существующие представления о расовых особенностях этого народа должны быть в корне изменены» [Дебец 1946: 63–64].

В дальнейшем Г.Ф. Дебец пришел к выводу, что параллели в антропологическом типе чукчей нужно искать не в Северной Америке, а в восточной Азии [Дебец 1951: 109]. Интересно отметить, что названия этой экспедиции — Северо-восточная экспедиция или Чукотская экспедиция — перекликаются с названиями экспедиции, которую планировал провести В.Г. Богораз в начале 30-х годов — Северная экспедиция или Чукотская этнографическая экспедиция.

С.И. Руденко до 1930 г. был директором этнографического отдела Русского музея, когда его арестовали по «академическому делу» и приговорили к пяти годам лагерей. С.И. Руденко объявили «классовым врагом» и главным проводником «буржуазных идей» в этнографии, антропологии, археологии и вообще истории. В 1930–1933 гг. в ряде научных учреждений Ленинграда прошла кампания по разоблачению «руденковщины». В заключении С.И. Руденко работал инженером при строительстве Беломоро-Балтийского канала, который находился в прямом административном подчинении ОГПУ. В 1934 г. его досрочно освободили, но он продолжил работать в управлении Беломоро-Балтийского канала в Ленинграде. С.И. Руденко неоднократно пытался устроиться на работу в научное или учебное учреждение, но бывшие «коллеги» не допускали его

к научно-преподавательской деятельности [Платонова 2004: 136]. Н.И. Платонова писала: «Безусловно, в середине 1930-х годов, когда еще свежа была память о “руденковщине”, когда кругом с удвоенной силой продолжались аресты, неожиданное появление С.И., словно из другого мира, могло вызвать у многих лишь страх и растерянность. Из этого человека только что делали фетиш буржуазной науки, образец врага, с которым надо бороться. И вдруг он, как ни в чем не бывало, возникает из небытия! А потом еще захочет печататься, захочет оформиться на работу?! Пожалуй, сейчас нелегко осознать до конца, насколько все это было серьезно» [Платонова 2010: 188].

Только в 1939 г. С.И. Руденко смог перейти из управления Беломоро-Балтийского канала в Государственный гидрологический институт. Чтобы вернуться в науку, летом 1941 г. он отказался эвакуироваться из Ленинграда вместе с сотрудниками Гидрологического института. 18 февраля 1942 г. ему удалось устроиться на работу в Институт истории материальной культуры (ИИМК). Приказ о его зачислении в штат подписал полумертвый от голода С.Н. Бибиков, временно исполнявший обязанности директора [Там же].

Одновременно С.И. Руденко стал сотрудничать с МАЭ и в связи с гибелью всех антропологов музея принимал участие в сохранении его антропологических и археологических коллекций [Станюкович 1978: 220]. В августе 1942 г. С.И. Руденко с оставшимися в живых сотрудниками ИИМК эвакуировали в Елабугу, а оттуда в Ташкент [Кирюшин, Тишкин, Шмидт 2004: 18]. Так же, как А.М. Золотарев и А.В. Мачинский, он специально не занимался исследованиями в области этногенеза эскимосов. Эту тему ему утвердили как плановую при поступлении на работу в ИИМК. В январе 1944 г. С.И. Руденко завершил работу над статьей «Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов», которую опубликовали в ТИЭ [Руденко 1947: 233–256].

В 1945 г. в течение всего одного полевого сезона С.И. Руденко провел археологические разведки нескольких десятков древнеэскимосских памятников на мысе Дежнева, о. Ратманова, о. Аракамчечен, в бухте Пlover, на мысе Чукотский, в поселках Энмылен и Нунлигран, на мысе Чаплина, в поселках Авань, Наукан, Кивак, Сиреники, Уэлен.

«Как мало мы знаем о прошлом населения Арктики, — писал С.И. Руденко, — отчетливо обнаружилось на ряде международных конгрессов и специальных совещаний, организованных Отделением истории и философии Академии наук СССР. <...>

Летом 1945 г. мною по поручению Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии наук СССР совместно с Арктическим институтом ГУСМП было обследовано побережье Чукотского полуострова от поселка Уэлен на севере до поселка Сирэник на юге» [Руденко 1947а: 3].

«Несмотря на рекогносцировочный характер наших изысканий на Чукотском полуострове, нам удалось обнаружить там наличие всех стадий развития

культуры, именуемой эскимосской. Стадий, установленных исследованиями американских и датских ученых на островах севера Берингова моря, а также на арктическом побережье Аляски» [Там же: 107].

Основные материалы своих раскопок С.И. Руденко передал в МАЭ. Они зарегистрированы в восемнадцати археологических коллекциях [Нечаева, Попова, Федоров, Фрадкин 1964: 168] и одной антропологической [Дебец 1951: 249]. Незначительная часть коллекции поступила в Музей Арктики. По результатам экспедиции С.И. Руденко опубликовал монографию «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема», которая и до сегодняшнего дня не утратила научного значения [Руденко 1947а]. При знакомстве с этой работой складывается впечатление, что его экспедиция была проведена как продолжение исследований американских археологов О.В. Гейста и Ф.Г. Рейни на островах Пунук и Св. Лаврентия и Г. Коллинза в районе Берингова пролива. С.И. Руденко не было известно о коллекции О.В. Гейста и Ф.Г. Рейни в Музее антропологии в Москве. Это свидетельствует о том, что сотрудники ИИМК состояли в переписке только с датскими учеными. Но датские и американские ученые находились в постоянных контактах друг с другом, проводили совместные исследования [Larsen, Rainey 1948] и знали о попытках каждой из сторон установить деловые связи с советскими коллегами. В распоряжении С.И. Руденко имелась основная зарубежная литература по этногенезу эскимосов, вышедшая до 1945 г. Во времена «железного занавеса» даже обмен литературой между советскими и зарубежными научными учреждениями не был рядовым событием. На монографию С.И. Руденко сразу стали появляться ссылки в работах датских и американских археологов, в 1961 г. ее перевели на английский язык [Rudenko 1961]. В дальнейшем С.И. Руденко продолжил публиковаться в изданиях Института этнографии [Руденко 1948, 1949].

В 1947 г. в МАЭ открыли выставку «Распространение древних культур на крайнем севере Америки» из сборов С.И. Руденко и этнографических коллекций музея. Экспозиция состояла из вводной части, манекена чукотского воина и витрин с археологическими материалами — «Древнеберингоморская стадия», «Пунукская стадия», «Уэлено-оквикская стадия», «Стадия, близкая к современности». Выставка экспонировалась в музее до начала 1952 г.

В 1946 г. ИИМК и Арктический институт ГУСПМ организовали вторую археологическую экспедицию для исследований на Чукотке — Колымскую экспедицию. Археологические раскопки проводились под руководством А.П. Окладникова в бассейне реки Колымы и районе Баранова мыса, где удалось обнаружить самое западное древнеэскимосское поселение. Результаты экспедиции были опубликованы только через 25 лет. А.П. Окладников и Н.А. Береговая писали: «Уже в первом отчете о раскопках поэтому было написано, что культура обитателей поселков на Большом Барановом мысе принадлежала не корякам, а совершенно другой этнической группировке, совсем

иному племени. Почти все находки на Барановом мысе поразительно сходны с такими же по типу и технике изделиями, найденными на Аляске и на Чукотском побережье вдоль Берингова пролива. По всем отличительным признакам это была чисто эскимосская культура. Тогда же было отмечено, что в находках из раскопанных в 1946 г. жилищ есть предметы, близко или прямо аналогичные найденным в памятниках типа бирник и Туле, а также в памятниках древнеберингоморской стадии. <...>

По мнению авторов, можно считать вполне обоснованным вывод о том, что принадлежали они одной из групп древних эскимосов (самой западной), которая в преданиях аборигенного населения, записанных в начале XIX в., носит имя шелагов. По ним, в частности, получил свое название и мыс Шелагский» [Окладников, Береговая 1971: 3–4].

М.Г. Левин считал, что при проведении антропологических и археологических исследований в районе Амура удастся найти следы миграции древних людей в Америку. Он устроился на работу в ИЭ в 1944 г., когда вопрос о проведении антропологических исследований на Чукотке был уже решен. В тот период М.Г. Левин продолжал сотрудничать с Институтом антропологии МГУ и летом 1945 г. участвовал в его Якутской экспедиции. В 1947 г. М.Г. Левин организовал второй отряд Северо-восточной экспедиции, который провел антропологические исследования среди народов района Амура и Сахалина. Серьезных доказательств участия амурского компонента в формировании древнего населения северо-восточной Азии он не нашел и, видимо, был разочарован результатами своих исследований.

При организации вышеперечисленных экспедиций предполагалось, что полевые исследования на Чукотке смогут разрешить проблему заселения Америки и, таким образом, завершить многолетние исследования датских и американских ученых. Из-за желания внести свой личный вклад в решение этой проблемы М.Г. Левин в четырех статьях отметил, что руководителем Северо-восточной экспедиции в 1940 г. был назначен именно он. Его претензии на ведущую роль в изучении проблемы этногенеза эскимосов были направлены против С.И. Руденко, с Г.Ф. Дебецем и А.П. Окладниковым Левин поддерживал дружеские отношения. Эта конкуренция за тему научного исследования не согласуется с его словами, приведенными в публикации Т.И. Алексеевой и С.А. Арутюнова: «Наука все более превращается в respectable занятие хорошо обеспеченных людей, каким, скажем, в XVII в. была для аристократии охота. Но уж нехватки тем в науке не будет никогда, и сколько бы в любой ее отрасли ни работало людей, интересных и важных тем всегда будет больше, чем исследователей» (цит. по: [Алексеева, Арутюнов 2004: 353]).

В рецензии на книгу С.И. Руденко М.Г. Левин дал сдержанную характеристику результатов его археологических исследований на Чукотке [Левин 1949: 230]. М.Г. Левин написал, что археологическая экспедиция С.И. Руден-

ко — это только этап в предстоящих исследованиях проблемы этногенеза эскимосов, а его монографию «Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема» он охарактеризовал не как научное исследование, а как «полезное собрание материалов к истории народов Северо-Восточной Азии» [Там же]. Иначе итоги работы С.И. Руденко оценил известный специалист по археологии и этнографии азиатских эскимосов, член-корреспондент РАН Сергей Александрович Арутюнов: он назвал С.И. Руденко «пионером» археологических исследований на Чукотке и отметил, что его монография стала «эпохальной» для понимания проблемы этногенеза эскимосов [Арутюнов 2003: 372].

Источники

Стенограммы научных заседаний Института. 15.12.1938–28.01.1940 / Заседание, посвящ. памяти В.Г. Богораз 10 мая 1939 г. (Л. 99–117 об.) // Архив МАЭ. Ф. К–I. Оп. 3. № 13. 263 л.

Библиография

Алексеева Т.И., Арутюнов С.А. Максим Григорьевич Левин: ученый, учитель, человек // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. / Сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 331–357.

Арутюнов С.А. Некоторые итоги исследования археолого-этнографических проблем формирования прибрежного населения Чукотки // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20–21 сентября 1994 г. / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М., 2003. С. 371–374.

Дебец Г.Ф. К антропологии чукчей // КСИЭ. 1946. Вып. 1. С. 63–64.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области / Труды Северо-восточной экспедиции. М., 1951. Т. 1. (ТИЭ. Новая серия. Т. 17).

Золотарев А.М. Из истории этнического взаимодействия на северо-востоке Азии // Известия Воронежского педагогического института. 1938. № 4. С. 73–87.

Кирюшкин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 9–21.

Корсун С.А. Американистика в МАЭ в XX–XXI вв.: собирательская и исследовательская деятельность // Этнография и археология коренного населения Америки (Сб. МАЭ. Т. 56). СПб.: Наука, 2010. С. 5–136.

Левин М.Г. С.И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема // СЭ. 1949. № 1. С. 227–230.

Левин М.Г., Окладников А.П. Международная конференция в Копенгагене по археологии и антропологии Арктики // СЭ. 1959. № 2. С. 148–156.

Мачинский А.В. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Л., 1941. Вып. 9. С. 80–89.

Нечаева Л.Г., Попова Т.А., Федоров В.В., Фрадкин Э.Е. Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Сб. МАЭ. Т. 22). М.; Л., 1964. С. 151–168.

Обзор прений по докладам на Совещании по этногенезу народов Севера // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Л., 1941. Вып. 9. С. 129–132.

Окладников А.П., Береговая Н.А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971.

Платонова Н.И. «Дело» Сергея Ивановича Руденко: 1930–1957 // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 126–138.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX в. СПб.: Нестор-История, 2010.

Руденко С.И. Древние наконечники гарпунов азиатских эскимосов // ТИЭ. Новая серия. Т. 2. М.; Л., 1947. С. 233–256.

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947а.

Руденко С.И. Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948. № 1. С. 153–179.

Руденко С.И. Татуировка азиатских эскимосов // СЭ. 1949. № 1. С. 149–154.

Станюкович Т.В. Этнографическая наука и музеи. Л., 1978.

Толстов С.П. Доклады на совещании Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии. Итоги совещания по этногенезу народов Севера // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1941. Вып. 9. С. 3–5.

Larsen H., Rainey F. Ipiutak and the Arctic Whale Hunting Culture (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. Vol. 42). N. Y., 1948.

Rudenko S.I. Culture of the Bering Sea and the Eskimo Problem. Toronto, 1961.